

ОТЗЫВ
официального оппонента
на диссертацию на соискание учёной степени
кандидата филологических наук Ожиговой Марии Михайловны
на тему: «Гуманитарно-исторический дискурс в русской и
немецкоязычной прозе начала XX века: компаративистский аспект»
по специальности 5.9.3. – теория литературы.

Идеям неожиданных сближений в истории мировой литературы неоднократно уделялось внимание на передовых рубежах отечественной и зарубежной филологической мысли. Типологические, сюжетные, структурные совпадения встречались у разных народов в разные культурно-исторические эпохи. По словам Н. Я. Берковского одним из самых любопытных феноменов литературы являются «нечаянные совпадения», не только на жанрово-типологическом, но и на структурно-семиотическом, порою, на психологическом уровне. Только в конце XX столетия стало очевидно, что литература, существуя в едином пространстве текста как подвижная знаковая структура, позволяет писателям «переговариваться между народами» языком своих произведений. Понятые в таком ключе дискурсивные практики позволяют совершенно справедливо говорить о текстопорождающей функции как литературного произведения, так и самого дискурса.

Поставленная М. М. Ожиговой во главу угла проблема: объяснения сходства ряда текстов разных стран и культур (России и Германии) через понятие «дискурс» и «высказывание» в парадигме теоретико-методологического инструментария Мишеля Фуко, представляется не только *предельно актуальной*, но и необходимой для решения целого ряда задач современного литературоведения.

Процессы формирования сходных дискурсивных практик стоят как бы на первый взгляд «за текстом», они помещены в гуманитарно-историческое поле изначально с текстом напрямую не связанное, однако, как пишет исследователь, «под дискурсом же понимается некое пространство формирования высказываний, могущее объединить несколько стран» (с. 22). Ясно, что глобально-исторические события, такие как война, гуманитарные катастрофы, политико-идеологические перемены касались напрямую жизни и творчества писателей, включённых в объект диссертационного исследования, однако их процесс восприятия указанных событий, хотя и был разным, но генерировал, как представляется, сходные дискурсивные практики, которые выступали как текстопорождающие аспекты в их произведениях.

Несомненная *научная новизна и актуальность* исследования М. М. Ожиговой состоит в стремлении не только проследить зарождение сходных текстовых миров в художественном сознании писателей разного культурно-исторического и социального круга, но и в желании максимально аргументированно обобщить указанные сходства, используя современный теоретико-методологический инструментарий, показать глобальность и остроту проблем, к которым обращались художники слова в разных странах, *выявить единую типологию и природу конфликтов* в их произведениях. Проблемы самоидентификации, конфликт мещанского и светского, идея лишнего человека, равно как и идеи крушения империй и заката прошлых поколений сходны в начале XX века как для Австро-Венгрии, так для Германии и России. Однако весьма удачно М. М. Ожиговой удаётся уже в самом начале работы переключить регистр своего исследования с глобально-исторических событий на глубоко личные проблемы автора-творца, что хорошо видно на примере описанных волнений и рефлексий Франца Кафки, ощущавшего себя абсолютно чужим в лоне «Пражской немецкой школы». Его становление как писателя органично вплетено в водоворот культурно-исторических событий

тогдашней Праги (со всеми аспектами еврейской, чешской, австрийской культуры). Удачно, на наш взгляд, упоминание идеи «наведения мостов», между народами и «любви на расстоянии» (М. Брод), стоит напомнить, что и сам Кафка вообразил себя однажды «мостом» в своей ранней притче. Налицо в этой ретроспекции стремление к диалогу, к попыткам высказаться и *быть услышанным*. Подобной же метафорой можем охарактеризовать и описание литературного климата тогдашней Германии, с культурой кабаре и борьбой разных течений (экспрессионизма, натурализма и прочих). Во всей этой жанровой какофонии каждый поэт и писатель хотел быть понят и услышан.

Говоря о развитии немецкого театра, наряду с которым органично возникала синкретическая связь с литературой (хороший анализ этих взаимосвязей видим на с. 41) М. М. Ожигова упоминает интерес к постановкам Максима Горького в Германии. Жаль только, что в русле исследования дискурса эта тема не получает продолжения: связи России и Германии в тот период были не просто тесными, но активными. В. Э. Мейерхольд привозит свои спектакли в Германию. Его постановок в немецких театрах буквально добиваются немецкие антрепренёры. Макс Рейнхардт посещает Россию в 1911 г., как позднее и Эрвин Пискатор (см. недавнюю монографию В. Ф. Колязина). Немцы, покорённые С. Эйзенштейном, начинают мыслить по-советски, а в нарождающейся коммунистической республике пробуждается интерес к немецким романам, который выходит в переводах порою раньше, чем на языке оригинала. Так, например, эстетика экспрессионизма была горячо принята молодыми театрами СССР, где шли такие пьесы Эрнста Толлера, как «Гопля, мы живём!» и особенно Ф. Ведекинда. В целом создаётся впечатление, что увлёкшись детальным освещением гуманитарно-исторического дискурса в Германии и России (что и заявлено в заглавии), исследователь оставляет в стороне литературно-стилистическое взаимодействие двух культур, диалога в пространстве жанрово-стилевых течений и направлений. Так, в разговоре

о зарождении знакового для русской культуры XX века Московского художественного общедоступного театра (увы, неверно указан год основания, 1896), было бы вполне уместным подчеркнуть, что в русле новой эстетики, декларируемой К. С. Станиславским и Вл. И. Немировичем-Данченко, появлялись не только постановки А. Чехова и М. Горького, но Г. Гауптмана и Г. Ибсена и М. Метерлинка – тогдашний МХАТ, как никогда впоследствии, был открыт воздействию немецкой и скандинавской драматургии.

Если в этой части работы и есть пути для дальнейшего расширения ретроспективного анализа взаимодействия двух культурных пространств России и Германии, то теоретический корпус работы вызывает восхищение вниманием к деталям и расширительной трактовкой как термина дискурс, так и упорядочиванием сферы его применения.

Начало XXI века потребовало от исследователей не только конкретизации терминов, но и их объективизации применительно к поставленным задачам. Весьма продуктивно и в духе всего исследования оправданно соединяется лингвистическая и литературная парадигма термина дискурс. Мы видим здесь детально проработанную теоретико-методологическую базу исследования. Для многих устойчивых терминов, (архетип, хронотоп, топос) сегодня наметилась тенденция видеть их зарождение или имплицитное использование в «неназванном» виде многие столетия назад. Подобное оказывается правомерным, как показывает М. М. Ожигова и для термина «дискурс».

Актуализируя определение дискурс Э. Бюиссанса (1943) несомненно, выходящее за пределы сосюрговской традиции (*langue et parole*), М. М. Ожигова демонстрирует блестящую осведомлённость в истории бытования дискурсивных тенденции в прошлые века в просветительской традиции эссе и других форм словесного творчества. Чрезвычайно важна для терминологической стройности работы, попытка

упорядочить сферы употребления понятия дискурс (эстетика, поэтика сферы искусства и так далее).

Подчёркивая полисемичность термина и его «расширение» во второй половине XX века на сферы структурного литературоведения, М. М. Ожигова приводит на с. 76 семь возможных трактовок, среди которых, вне всякого сомнения, привлекает интерпретация, соотносимая с идеями Мишеля Фуко о дискурсе как о пространстве «для порождения высказываний». Подобный семиотический подход, где смыслы по словам Ю. М. Лотмана, «генерируют» новые, не столь оригинален, но примечательно к *целям и задачам* исследования он выглядит не только органично, но и ново, поскольку позволяет, как увидим в дальнейшем, детально проследить природу сходства мотивов и сюжетов в разнородных на первый взгляд текстах.

Одним из интересных теоретико-прикладных сюжетов *второй главы* является разбор эволюции бартовской концепции дискурса на пути от семиотики к постструктурализму. Принципиально важны среди упоминания типов дискурса по Ролану Барту акратический и энкратический тип указанного термина. На дальнейшее расширение понятия работают и концепции Ю. Кристевой и Ж. Женетта, где в дискурс вовлекается читатель и проблемы нарративной практики. Через работы Ж. Деррида, Ж.-Ф. Лиотара, где отчётливо видно ослабление нарративной функции в тексте, М. М. Ожигова подходит к работам Ж. Бодрийяра, работы которого напрямую соотносятся с проблематикой заявленного ею исследования: «социальные структуры эпохи», человек и его окружение. Понятие дискурса расширяется до границ новой концептосферы, вмещающей в себя как национальные, социальные, так и общечеловеческие коды и модели поведения. Подобную всеохватность термина, его расширенное знаковое поле притяжения мог осмыслить только один из самых ярких мыслителей XX века – Мишель Фуко.

Выбор концепции Фуко оправдан с нашей точки зрения для исследования М. М. Ожиговой по целому ряду факторов: психологическая направленность методов Фуко, антропологическая и мифологические составляющие, богатство идеологием XX века, оказавших влияние на становление Фуко как учёного (марксизм, коммунизм, ницшеанство), наконец – внимание к фигуре автора. Детальному рассмотрению Мишелем Фуко эволюции понятия термина дискурс в гуманитарном знании и в литературе посвящена *третья глава* исследования.

В масштабной ретроспекции взглядов Фуко привлекает не только рассмотрение его понятийного аппарата: от Дискурсии и эпистемологических вопросов разных дискурсивных практик, но и похвальное стремление автора диссертации увязать эти концепции с фигурой писателя, у которого «речеписьменный акт» неотделим от мышления и наоборот, когда текст является сам себе субъектом и объектом, порождая новые смыслы.

«Слова и вещи» и «Археология знания» – два текста Фуко, также анализируемые в настоящей работе. Следует отметить, что термин дискурс рассматривается в контексте «общеструктуралистской парадигмы» (с. 99).

Аргументирована доказательная база применения терминов, «дискурс» и «высказывания» из методологии Фуко к литературным материалам (с. 100).

Интересной, *детально обоснованной и продуктивной* является гипотеза о формировании текста, исходящая из его природы (с. 102). Здесь исследователь совершенно правомерно расширяет смысловые границы терминов, выдающихся учёных применительно к поставленной задаче. На широкой доказательной базе в *четвёртой главе* указаны те лакуны в современной компаративистике, где необходимо использование терминов «дискурс» и «высказывание» в новом смысловом наполнении. Важно и то, что в большом параграфе предыдущей, третьей главы («Мишель Фуко в ипостаси литературоведа», с. 105–137) аналитически освещён подход

учёного к тексту, важно намечен вектор его исследовательской мысли, а также уверенно и доказательно проведена полемика с отечественными интерпретаторами и переводчиками наследия Фуко (С. Зенкиным, Г. Косиковым).

На полемических аспектах в работе следует остановиться подробнее: практически везде это сделано в высшей степени деликатно и, главное, не ради полемики, а для уточнения путей развития отечественной компаративистики, в отличие от европейской, актуализации понятийно-методологического аппарата: относится это к анализу аспектов «Исторической поэтики» академика А. Н. Веселовского и векторов развития компаративистики, предложенных академиком В. М. Жирмунским. Хотя желательно было бы более детальное знакомство с теоретическим наследием В. М. Жирмунского по его Собранию сочинений, изданном Н. А. Жирмунской и М. Л. Тронской уже в середине 1970-х гг. после ухода учёного из жизни.

Практическим осмыслением контрастного сопоставления текстов служат модель сравнения «Макара Чудры» М. Горького и новеллы С. Цвейга «Улица в лунном свете». Убедительно выглядят приведённые цитаты, причём данные и на немецком языке, что позволяет судить об авторской стилистике. Не только на основе сходных лексем, но и на повторяющихся моделях поведения, М. М. Ожиговой удаётся выявить глубинные структурно-типологические совпадения, доказать «сходство на мотивном уровне», как пишет автор на с. 157. Отмечены главные нарративные особенности: исповедальность, рефлексия, воспоминания, трагическая привязанность. Однако, как говорит М. М. Ожигова, тексты Горького и Цвейга не обладают, все же, той степенью сходства, как тексты Кафки и Булгакова, Сологуба и Генриха Манна. Речь здесь всё же идёт, пусть хотя и о далеком, но предполагаемом взаимовлиянии, заочном общении. Для анализа указанных текстов требуется исследование на более

тонком, так называемом «морфологическом» уровне, о котором в переносном смысле говорил ещё в 1996 году П. А. Николаев.

Выделяя «дискурсивные доминанты» по Мишелю Фуко, автор подходит к самой важной и сложной части своего исследования – практической доказательной базе, а именно – анализу текстов. Определить и оценить роль текстопорождающего дискурса, вызванного к жизни сходными историко-социальными, духовными и ментальными аспектами, несомненно, в высшей степени **оригинальная и новаторская задача исследования**. Тексты из разных языков, по словам М. М. Ожиговой, отличаются способом кодировки, «однако имеют высокую степень сходства на уровне архитектоники» (с. 172).

Исследование «сходства смыслов» – абсолютно прорывная метафора в данной работе, блестяще осуществлённая в *заключительных главах*. Пересечение семиотических полей или, следуя за Фуко, полей дискурса, не только порождает сходства, но и порождает новые смыслы, которые автор исследования «вычитывает» из текстов. Глубоко анализируя стилистические манеры писателей, М. М. Ожигова выделяет самое существенное в наррации Кафки (простота, недосказанность, пунктирность), лингвистические мотивы (отражённые в примерах); тем удивительнее, что при биографически разных «исходных событиях» своей жизни М. А. Булгаков и Ф. Кафка создали тексты, удивительные в своей схожести: «Сельский врач» и «Вьюга». Глубинные мотивы, импульсы к высказыванию точно уловлены в дневниковых записях Булгакова и Кафки, здесь, как это ни странно, в работе М. М. Ожиговой возникают элементы психологического литературоведения, интенции к исследованию роли суггестии в процессе писательского творчества, что, несомненно, обеспечивает своего рода «открытый финал» настоящей работы.

В последующих анализируемых текстах мы видим также умелое компаративистское сопоставление с арсеналом вышеприведённых терминов. М. М. Ожигова не только разработала теоретико-

методологическую базу, но и умело применила её на практике. Многоплановость анализа, полифоничность текстов и их детальная проработка искупают, с нашей точки зрения, терминологическую и теоретическую перегруженность работы, выглядящую сначала как недостаток.

Диссертационное исследование М. М. Ожиговой, несомненно, превосходит рамки кандидатской работы: сама оценка и анализ текстов в пространстве дискурса, выявление синхронии и диахронии типологических связей на метауровнях говорят о блестящей теоретической оснащённости автора работы. Приведённые в отзывы замечания, носят сугубо рекомендательный характер и ни в коей мере не могут снизить высокую оценку научно-практической значимости исследования М. М. Ожиговой. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.9.3 – Теория литературы (по филологическим наукам), а также критериям, определённым пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении учёных степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Работа намечает новые горизонты в постижении как текста, так и авторской интенции и балансируют в русле современных дискурсивных практик, ещё не до конца освоенных отечественным литературоведением. Как теоретические, так и практические наработки могут быть использованы в рамках различных спецкурсов и семинаров по анализу текста, при написании учебных пособий, где диспозиция Восток/Запад на текстовом поле дискурсов сегодня предельно актуальна. Наконец, как уже было сказано, исследование М. М. Ожиговой призвано заполнить теоретико-

методологические пробелы компаративистики абсолютно новыми приёмами и инновационными подходами к анализу текста на стыке лингвистики, психологии и литературоведения.

Таким образом, соискатель Ожигова Мария Михайловна заслуживает присуждения учёной степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.3. – теория литературы.

Официальный оппонент:

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры искусствоведения и общегуманитарных дисциплин
факультета театроведения и театральных технологий
Автономной некоммерческой организации высшего образования «Высшая школа сценических искусств»

АБРАМОВ Пётр Валерьевич _____

Контактные данные:

тел.: _____, e-mail: _____
Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

10.01.03 – литература народов стран зарубежья (европейская и американская литературы)

Адрес места работы:

129594, Россия г. Москва, ул. Шереметьевская, д. 6, к. 2.
Автономная некоммерческая организация высшего образования «Высшая школа сценических искусств»
Тел.: 7 (495) 600-37-75; e-mail: umo@raikin-school.com

Подпись сотрудника АНО ВО «Высшая школа сценических искусств»
Абрамова П. В.

удостоверяю:
начальник отдела кадров:

13 февраля 2024 г.